

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА, 12 (24) Декабря 1880 года.

ГОДЪ I.

Издатель А. А. Иозефовичъ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

Главная Контора Газеты въ Харьковѣ, на Московско-й улицѣ, въ домъ Императорскаго Университета, № 7, при „Публичной Библиотецѣ“ Александра Александровича Иозефовича, принимающаго подписку и объявленія: открыта въ будни отъ 9 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

Рекламы газеты помѣщаются въ г. Харьковѣ, въ Петровскій переулокъ, № 1; для личныхъ объявленій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2 до 4 час. дня. Статьи, доставляемыя безъ означенныхъ условій, признаются бесплатными. Статьи и корреспонденции, присылаемыя въ Редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛЕЖЕ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1881 ГОДА.

Изданіе А. А. Иозефовича, подъ редакціею А. Н. Стоянова, при ближайшемъ участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО, а въ понедѣльники и дни послѣпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки . . . 10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкой . . . 12 „ — „	8 „ — „	4 „ 50 „	1 „ 40 „
Съ перес. по почте . . 12 „ 50 „	8 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка въ платеніяхъ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на все сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не дальше какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московско-й улицѣ, въ домъ Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотецѣ“ А. А. Иозефовича; тамъ же принимаются объявленія.

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Н. Г. Мартынова и „Новое Время“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ П. Н. Шапошникова; въ Кіевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Вилано; въ Потавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Боймо-Розеневича.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Телеграммы. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣятельность правительства. IV. Внутреннія вѣсти: а) городская и земская хроника, б) корреспонденціи. V. Общественныя газеты и журналы. VI. Политическое обозрѣніе. VII. Вѣстникъ корреспонденцій. VIII. Слѣды жизни. IX. Биржевая хроника. X. Календарь. XI. Справочныя свѣдѣнія. XII. Слѣды жизни. XIII. Фелетонъ научный, литературный и художественный. XIV. Объявленія.

РЕДАКЦИИ ОБЪЯВЛЯЮТЪ ПОСТОЯННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СЛѢДУЮЩИМЪ ЛПЦАМЪ:

Проф. М. М. Алексѣенко, Н. С. Аюбаковъ, А. А. Афанасьевъ, Я. О. Баяновъ, проф. Н. П. Бекетовъ, С. Я. Вилановъ, проф. К. К. Готтсбергеръ, проф. Л. И. Гурмаковъ, П. Н. Горюховъ, А. Н. Гусевъ, Г. П. Давыдовъ, проф. Д. М. Давыдовъ, К. К. Давыдовъ, доц. А. Е. Зайцевъ, проф. Ф. А. Зенковскій, Н. Зайцевскій, проф. А. И. Кирпичниковъ, доц. Н. К. Козловскій, доц. Н. О. Курляндскій, проф. В. Г. Лавинскій, проф. А. С. Лавинскій, доц. А. П. Лавинскій, проф. Ю. И. Мозоровъ, В. И. Мозоровъ-Давыдовъ, Д. П. Нефедовъ, С. А. Новикъ, Н. П. Овсиенко, А. Б. Павловскій, проф. М. Н. Петровъ, Ф. М. Собольскій, проф. И. П. Соколовскій, доц. Н. Ф. Сумовъ, Г. И. Успенскій, Н. О. Фесенко, проф. Л. С. Цыганковскій, проф. Г. М. Цыганковскій, Г. С. Цыганковъ, В. В. Чуйковъ, проф. А. П. Шимковъ, доц. Н. К. Ароновъ, проф. Н. М. Яковлевъ и другіе.

Главная контора газеты проситъ гг. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газеты.

6 ДЕКАБРЯ

С. г. изъ кабинета квартиры мажоранта 4-й дистанціи на станціи Харьковъ К. Х. А. ж. дороги пропали золотые, гдѣхъ мѣхъ: часы (Мозера) съ двумя золотыми цѣпками: одной толстой, другой тонкой, при нихъ браслетъ—золотой орѣхъ покрытый лакиномъ и простой мѣдный заводной ключъ. Доставившіи получить вознагражденіе 25 рублей.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ

А. А. ИОЗЕФОВИЧА

въ Харьковѣ, на Московско-й улицѣ, въ домѣ № 7-й.

Русскій государственный человѣкъ съ точки зрѣнія западно-европейскаго публициста.

(По поводу статьи Анатолия Леруа-Болье: „Русскій государственный человѣкъ“, в Revue des deux mondes. 1-er Octobre 1880).

Не знаемъ, кому принадлежить первоначальное авторство изреченія, что „исторія не повторяется“, но справедливость его безусловна относительно западно-европейской литературы о Россіи. Многіе изъ насъ читали, въ юности своей, книгу Маркиса Кюстина. Не многимъ попадались въ руки бѣлые наброски Александра Дюма, памфлеты Леузова-Ледока или дневникъ Густава Мадинари, пробышаго, между прочимъ, нѣсколько времени въ Харьковѣ. Всѣ эти и нѣкоторыя другія произведенія „людей мысли и пера“, которые желали дать своимъ соотечественникамъ на западѣ понятіе о далекой и чуждой ихъ Россіи, укладываются по времени своего появленія, между первую половиною прошедшаго и между первымъ десятилѣтіемъ настоящаго царствованія. Каждый изъ названныхъ нами авторовъ, конечно, имѣетъ свою особенную фizioномію. Саркастическій Кюстинъ скептиченъ, но внимателенъ и блестящъ. Дюма бѣлуетъ, поверхностенъ и похожъ, въ примѣсахъ своего описанія, на акробата, который продвѣлся, черезъ всю Россію, два гигантскихъ шага на ходуляхъ. Сдѣлавъ одинъ

шагъ—и нѣтъ разстоянія между Петербургомъ и Москвою. Повторяетъ другой шагъ—и бойкій скороходъ-писатель уже строчитъ свои замѣтки въ Астрахань. Леузонъ-Ледокъ собираетъ анекдоты, старается быть пріятнымъ лицомъ, власть на заставѣхъ вѣщающимъ, и, не безъ комическаго впеващія, для русскаго читателя, сидитъ дать оцѣнку выдающимся явленіямъ политической и общественной жизни нашего отечества. Густавъ Мадинари, при всей вѣрности писательскому приему экономиста, который хорошо знаетъ какъ цѣны, факты и статистическія данныя, напоминаетъ однако же въ сужденіяхъ своихъ самодовольнаго и недлубокаго буржуа, готовога—ради гостепріимства, „de ses braves gens“—подарить русскую интеллигенцію спискомъ изданныхъ книгъ своей головы бургомистра—любителя отъ западной науки. Прошли годы—правда, немалые и долгіе годы—маркизъ Кюстинъ покрывалъ толстымъ слоємъ пыли на верхнихъ полкахъ аристократическихъ библиотекъ, гдѣ когда-то было отведено ему столь почетное и видное мѣсто. Дюма, Леузонъ и даже бѣлые убійственны Мадинари, болѣею частью, вовсе не попадали ни въ аристократическія, ни въ буржуазныя, ни въ учоныя библиотечки небогатаго къ нимъ Россіи. И не мудрено: за три послѣднихъ десятилѣтія западный человѣкъ, ближе открывшись русскимъ людямъ въ самыхъ различныхъ его роляхъ и положеніяхъ: то

какъ сильный и ловкій врагъ на полѣ битвы, то какъ загадочный другъ въ дипломатіи, то какъ совопроисхъ и контрагентъ въ бойкихъ центрахъ международнаго общенія, то какъ серьезный дѣятель въ средѣ своей собственной культуры. Мы ѣздили по цѣлымъ годамъ за границы, наблюдали, учились, писали дневники и впеващія. На университетскихъ кафедрахъ, на различныхъ государственныхъ и административныхъ должностяхъ, въ области теоріи и на практикѣ, въ дѣлѣ частой мысли и ея примѣненія, появились и заняли опредѣленное положеніе дѣятеля, хорошо узнавшие Западъ, въ открытыхъ родникахъ, а подчасъ и въ закрытыхъ тайникахъ и труппахъ его.

Но параллельно съ такимъ культурнымъ явленіемъ совершился и другой фактъ: западный человѣкъ, въ свою очередь, приблизился къ русскому обществу совершенно съ иными запросами, цѣлями и результатами, чѣмъ было это до сихъ поръ. Появился цѣлый рядъ изслѣдованій и книгъ съ именами иностранныхъ писателей, такого достоинства какъ Ральстонъ, Маккензи Уэллсъ и Анаполъ Леруа-Болье, изъ которыхъ послѣдній только что подарилъ европейскую литературу новымъ и прекраснымъ этюдомъ о выдающемся государственномъ человѣкѣ нынѣшняго царствованія, покойномъ Николаѣ Александровичѣ Милютинѣ. Имя это хорошо памятно и дорого всѣмъ тѣмъ, кто пережилъ сознательно эпо-

ху шестидесятихъ годовъ. У молодого еще и талантливаго дѣятеля, какимъ многие знали уже тогда Н. А. Милютину, явились особенно искренніе почитатели, какъ только возникъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Всѣ были увѣрены, что нравственно-высокій человѣкъ этого вынесетъ на сильныхъ плечахъ своихъ ту великую ношу, которая была вручена ему волею Преобразователя. Но никто не полагалъ, чтобы исторія, гдѣ для Н. А. Милютина сразу открылась самая свѣтлая страница, развернула такъ скоро страничку эту на преждешнейшей модели человѣка съ несокрушимую энергію въ трудѣ и съ безграничною преданностью родной землѣ.

Памятно намъ то тяжкое впечатлѣніе, которое произвела на всѣхъ интеллигентныхъ людей вѣсть о кончинѣ Н. А. Милютина въ Москвѣ, 1872 года. Невольно ложились бременемъ на душу чей-то мрачный выводъ изъ длиннаго ряда некрологовъ о недолговѣчности лучшихъ людей въ Россіи.

Н. А. Милютинъ былъ бы нуженъ своей родинѣ и теперь, когда сама жизнь предъявила особенно—сильное требованіе на общественный и государственный трудъ даровитыхъ и честныхъ дѣятелей.

Этюдъ Леруа-Болье какъ нельзя болѣе вѣстаетъ представителю характера Николая Алекс. Милютина, тактичнымъ и мыслящимъ людямъ Россіи и всей Европы. У насъ, на родинѣ, не грѣшатъ постоянствомъ воспо-

минаній и душевнаго благочестія въ отпущеніи труженикамъ, и горькая злоба для него съ легкостью отодвинута на далекий планъ имя человѣка, который наиболѣе содѣйствовалъ первому и важнѣйшему шагу въ реформахъ нынѣшняго царствованія. Могло быть еще хуже. Досужае перо какого-нибудь берлинскаго или даже отечественнаго публициста изъ лагеря враждебнаго покойному Н. А. Милютинѣ способно было пустить въ ходъ невѣрное представленіе о немъ,—перенести на личное усвоеніе дѣятеля недостатки и увлеченія людей того общественнаго кружка и той литературной школы, которые наиболѣе близко стояли къ нему при жизни. Пылкость и энергію души всегда легко переименовать въ фанатическій жаръ кружкового сектатора. Силу убѣжденій не трудно принизить до степени доктринерства. Цѣльность и послѣдовательность мировоззрѣнія возможно обратить въ узкій догматизмъ, который видитъ правду лишь въ самомъ себѣ и зрѣть ложь во всемъ въ себя. Въ Западной Европѣ и безъ того уже пущенъ былъ изъ Петербурга памфлетъ, въ которомъ Н. А. Милютинъ представлялся, съ одной стороны, идеаломъ самозаставки—бюрократа, а съ другой стороны чутчуть не трибуномъ какой-то страшной „національной и демократической“ партіи. Прибалтійскій учоный Эккардъ, по старинной и постоянной дружбѣ нѣмцевъ къ Россіи, съ своей стороны, сдѣлалъ все что могъ тому,

кто былъ другомъ и почитателемъ Юрія Самарина.

Вотъ почему такъ любопытенъ и даже важенъ для насъ взглядъ серьезнаго французскаго публициста на Н. А. Милютину и на ту роль, которая принадлежитъ ему въ нашемъ, съ шестидесятихъ годовъ, обновленіи Россіи.

Едва ли можно возражать противъ тѣхъ примѣровъ, съ которыми подходятъ Анаполъ Леруа-Болье къ своему предмету. Въ Россіи, дѣйствительно, непріимчива и искусственна классификація людей по политическимъ партіямъ, съ надѣленіемъ ихъ ролями трибуновъ парламентарнаго западничества или вожаковъ народно-демократическаго славянофильства. Вѣрно то, замѣчаетъ французскій публицистъ, что Милютинъ могъ быть и былъ личнымъ представителемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся, тенденцій и наиболѣе постоянныхъ стремленій современнаго русскаго общества. Прежде и болѣе всего отличала его одна черта: любовь къ народу... Для него, въ его интересахъ, желалъ онъ работать, управлять, законодательствовать! Такимъ представляется, подъ перомъ Леруа-Болье, основной фондъ характера, чувствъ и убѣжденій Н. А. Милютина. И имя кажется не сомнѣннымъ, что ставить этого замѣчательнаго человѣка дѣятелемъ кружковъ и партій, при спорномъ и проблематическомъ значеніи послѣднихъ въ русскомъ обществѣ—это значитъ отри-

обучения малолетних не останавливаясь их физического развития избытком мускульной работы и наконец, что въ социальном отношении самое важное, учащиеся не вводятся въ чуждую ему, искусственно созданную среду. Обстановка школы может быть лучше или хуже, но во всяком случае не та, въ которой придется рабочему провести всю свою жизнь. Привычки, приобретенные въ детстве, весьма трудно оставляются въ 18—19 летний возраст, когда ученику придется кончить курс ремесленной школы и поступить все-таки въ мастерскую, работающую коммерчески. Отсюда ряд разочарований съ печальными последствиями, протекающими единственно от недостаточного знакомства съ условиями настоящей жизни, от неумения находиться въ общении не со школьными товарищами, но съ конкурентами на работѣ. Но къ такимъ разочарованиямъ еще слѣдуетъ прибавить обдѣленных, которые не смогли попасть въ школу по недостатку мѣста, такъ какъ въ ремесленной школѣ комплектъ учениковъ, даже при широкихъ средствахъ, долженъ быть весьма ограниченъ.

Разумѣется провести законъ, ограничивающій работу малолетнихъ половиннымъ числомъ часовъ у насъ составляетъ трудность, граничащую съ невозможностью; но все-таки въ этомъ направлении весьма многое можетъ быть сдѣлано земствомъ помимо общихъ законодательныхъ мѣръ. Пусть земство выберетъ какого нибудь владѣльца мастерской или фабрики и предложитъ ему плату за тѣ часы, которые, ученики будутъ проводить въ школѣ, напр. отъ 12 до 4 часовъ пополудни, гдѣ будутъ обучать общеобразовательнымъ предметамъ. Или пусть земство предложитъ собственникамъ, за плату отъ земства, устроить такіе уроки для малолетнихъ въ своихъ заведеніяхъ. Наконецъ, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не существуетъ, положимъ, кузнечного ремесла, не смотря на необходимость ковать лошадей, земство можетъ пригласить мастера, выдавъ ему субсидию на устройство заведенія и поставивъ въ обязательное условіе не употреблять малолетнихъ въ работу болѣе 4—6 часовъ въ сутки. Въ свободное же время малолетнихъ будутъ посѣщать школу.

Разумѣется всѣ сдѣланные указанія только примѣрны; краткость статьи и объемъ предмета не позволяютъ рассмотреть вопросы съ надлежащей полнотой; но вѣроятно всякій согласится, что подобная соглашенія земства съ собственниками не представляютъ невозможности. Единичные же примѣры въ этомъ направленіи могутъ оказать влияние и на рѣшеніе вопроса о сокращеніи часовъ работы для малолетнихъ законодательнымъ путемъ, если только земство будетъ объ этомъ хлопотать.

Н. Януковичъ.

Мѣстная хроника.

Земскій отдѣлъ.

По смѣтѣ, представленной управою на утверждение губернскаго земскаго собранія, предполагается израсходовать въ 1881 году на потребности губернскаго земства 436,824 р.

Изъ нихъ на обязательныя потребности 22,104 р.; на содержание управы 31,600 р.; на учебныя заведенія (безъ фельдшерскихъ школъ) 23,978 р.; на уплату долговъ страховому и пожарному капиталу 57,818 р.; на мелочныя (въ томъ числѣ на фельдшерскую школу) и разныя благотворительныя учрежденія 169,456 р.; на управленіе по земскому страхованію 30,750 р.; и приобретение пожарныхъ инструментовъ 25,000 р.; на дорожныя сооруженія 66,208 р. Противъ смѣты 1880 года расходы уменьшены по дорожнымъ сооруженіямъ на 26,393 р., по народному

образованію на 20,000 р., которая въ предшествующіе 6 лѣтъ вносились на устройство реальныхъ и ремесленныхъ школъ, и по другимъ мелкимъ статьямъ всего на 53,372 р. Увеличеніи расходы: на содержаніе управы на 2,154 р.; по образованію повивальнаго училища на 1,377 р.; по образованію капитала на пенсіи лицъ, состоящихъ на службѣ земства, 5,000 р.; на уплату долга, сдѣланнаго для борьбы съ дифтеріей, 11,387 р.; на будущія заведенія на 32,365 р. всего на 52,433 р. Такимъ образомъ сѣбные расходы въ общемъ выйдутъ сокращенными почти въ той же величинѣ, какую имѣли въ 1880 году.

На покрытие этихъ расходовъ сборъ съ уѣздныхъ земель въ пользу губернскаго опредѣляется на 1881 годъ въ 300,430 р., сверхъ 82,279 р., приобретаемыхъ послѣднимъ изъ непосредственныхъ своихъ источниковъ.

Губернская земская управа представляетъ Собранію проектъ распределения дорогъ на губернскаго и уѣздныхъ.

Въ сессію предшлагаго года, признается необходимымъ принять на счетъ губернскаго земства сооруженія, кромѣ 24 дорогъ, содержащихся на этотъ счетъ до настоящаго времени, еще 7 дорогъ, проходящихъ: 1) по Ахтырскому и Боготворскому уѣздамъ, 1 по Лебединскому и Сумскому, 1 по Изюмскому, 1 по Сумскому, 1 по Старобѣльскому и 2 по Зміевскому. На этотъ годъ земства принято относить: 1) почтовую, 2) транспортныя дороги, соединяющія уѣзды, 3) транспортныя дороги, соединяющія сосѣднія губерніи, хотя бы проходящія чрезъ одинъ уѣздъ и 4) подъѣзды къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, необходимыя хотя бы и для одного уѣзда, но проходящія не только чрезъ этотъ уѣздъ, но и чрезъ другой или нѣсколько другихъ уѣздовъ. Пострѣженія дороги необходимы для одного уѣзда и протекающія только чрезъ этотъ уѣздъ, не принимаются на счетъ губернскаго земства. При этомъ губернскаго земства принимаетъ на себя только постройку и ремонтъ искусственныхъ сооружений, содержаніе же въ порядкѣ грунтоваго полотна дороги относится къ уѣзднымъ земскимъ повинностямъ.

Харьковское губернское земство предприняло статистическое описаніе губерніи. Дѣло это началось въ 1878 году и въ 1879 году, разосланы были уѣзднымъ управамъ для доставленія сельскимъ обществамъ и частнымъ землевладѣльцамъ печатныя листы съ необходимыми числомъ вопросовъ, на которые всѣ, получившіе эти листы, приглашались дать необходимыя показанія. Въ отбѣтъ прошлагодней сессіи земскаго собранія губернская управа могла ограничиться отзывомъ лишь о толковости полученныхъ отбѣтовъ и о пригодности собраннаго такимъ образомъ материала. Въ настоящее время по мнѣнію управы, дѣло подвинулось настолько, что можно уже положиться на принятый способъ собранія статистическихъ свѣдѣній и ожидать отъ него полезныхъ результатовъ. По Старобѣльскому уѣзду листы съ отбѣтами получены управою сполна, собраніе ихъ по другимъ уѣздамъ значительно подвинулось впередъ, особенно по уѣздамъ Лебединскому, Купянскому, Харьковскому, Валковскому, Изюмскому и Зміевскому. О состояніи земледѣлія и земледѣльцъ въ Харьковской губерніи накопились громадные и весьма цѣнный матеріалъ, какого нѣмѣе еще не было собрано до настоящаго времени. Матеріалъ этотъ необходимо, однако, свѣдѣть съ другими свѣдѣніями, имѣющимися въ губернской управѣ, губернскомъ статистическомъ комитетѣ и другихъ учрежденіяхъ. Разработаны матеріалы о Старобѣльскомъ уѣздѣ и сельскихъ обществахъ Харьковскаго и Валковскаго уѣздовъ, по изданіи они могутъ быть не ранѣе января 1881 года. Въсѣгда за подготовленными уже описаніями Харьковскаго, Старобѣльскаго и Валковскаго уѣздовъ послѣдуетъ описаніе другихъ, по мѣрѣ разработки полученнаго уже, а также и ожидаемаго матеріала.

Харьковская городская управа проситъ Редакцію напечатать слѣдующее заявленіе:

«До свѣдѣній Городской Управы дошло, что съ наступленіемъ снѣжной фазы извозчикъ продолжаетъ требовать съ пассажировъ за фазу въ ночное время возмездіе за фазу, именитъ пароконныя извозчики 30 коп. въ концѣ, а од-

ноконныя 20 коп. Для устраненія недоразумѣній при расхождѣ пассажировъ съ извозчиками—Городская Управа считаетъ необходимымъ разяснить, что обыкновенная плата, установленная за дневную фазу, увеличена за фазу ночью на 10 коп. для пароконныхъ извозчиковъ и на 5 коп. для одноконныхъ только на то время, когда экипажи останавливаются для фазы, прибавка эта не распространяется на время снѣжной фазы, такъ какъ тогда освѣщенія при экипажахъ не требуется. По этому во время снѣжной фазы ночью остается въ силѣ обыкновенная такса, т. е. 20 к. въ концѣ пароконныхъ извозчиковъ и 15 коп. одноконнымъ.

Нѣсколько словъ дѣтямъ и юношества достаточныхъ семействъ г. Харькова.

Рождество по преимуществу праздникъ дѣтей и юношества, а елика любимыя необходимыми атрибуты святокъ. Однако сотни дѣтей недостаточныхъ родителей лишены возможности порадоваться елкѣ у себя дома, такъ какъ родители не имѣютъ средствъ достать имъ эту удовольствіе. Для такихъ дѣтей елки могли бы быть устроены въ школахъ. Къ сожалѣнію школы, не обладающія достаточными средствами не могутъ позволить себѣ этой роскоши. На помощь имъ въ этомъ дѣлѣ должны прийти вы, дѣти и юношество. Въ васъ имѣете возможность приобрести цѣтной и золотой бумаги, много изъ васъ, конечно, не разъ упражнялись въ дѣланіи звѣздъ, цѣтвотъ, корабельцевъ, флаговъ и другихъ украшеній для своей елки. Если бы каждый изъ васъ приготовилъ только по десятку такихъ украшеній да золотыхъ орѣховъ для елокъ школъ, то ихъ получились бы такое количество, котораго хватило бы на весь маленький школьный людъ города Харькова.

Вѣрите, что по этому зову не одинъ десятокъ рукъ дѣятельно возьмется за работу. Право веселѣе будетъ потомъ и на своей елкѣ.

Доставлять изготовленные вещица на мѣсто назначенія не можетъ представлять затрудненій. Намъ пока извѣстно, что объ устройствѣ елки дѣятельно хлопотать учительницы школы обществъ грамотности, что на Москвѣ, и женской школы съ обученіемъ шитью, помѣщающейся на Екатерининской улицѣ, въ домѣ, гдѣ находится магазинъ Гольманъ; но, быть можетъ, и въ другихъ школахъ готовятся къ устройству такого же школьнаго праздника. Сдѣланные работы, приношенія въ видѣ дѣшевыхъ лакомствъ могли бы быть отсылаемы въ означенныя школы. Наконецъ всѣмъ извѣстныя магазинъ Гольманъ, какъ пособіе школьному дѣлу, конечно, не откажутъ въ пріемѣ пожертвованій, приносимыхъ для школы. Не стѣсняясь незначительнымъ размѣромъ приносимаго; помните, что васъ много и что если вы дружно возьметесь за это дѣло, то приношеній будетъ достаточно.

Отъ секретаря историко-филологическаго общества Н. Ф. Сумцова нами получены слѣдующія поправки къ напечатанному въ 7 № „Южнаго Края“ сообщенію о чтеніи проф. Лебедева: „Троицкая—Липиновская пустынь“.

Исторія Липиновской (иначе—Лыповской, Ельиновской) пустыни предложена референтомъ не въ смыслѣ общей характеристики монастырскихъ нравовъ извѣстнаго времени, даже не въ смыслѣ характеристики монастырей, за извѣстное время, одной какой либо епархіи и, нужно при этомъ добавить, ни въ какомъ случаѣ—не Курской, въ то время еще и не существовавшей. Референтъ прямо заявилъ, что имѣя дѣло по документамъ съ одною пустынною, не касаясь другихъ монастырей, да и относительно этой самой

пустыни замѣтилъ, что матеріалъ, которымъ онъ для ея исторіи располагалъ, хотя и истерпанный имъ сполна, —самъ однакоже, очень можетъ быть, не исчерпываетъ всего содержанія ея жизни. Не вдаваясь въ обобщенія референтъ твердо держался фактической, строго-документальной почвы. Предложенная имъ, на основаніи архивныхъ документовъ, исторія пустыни есть, по его собственнымъ словамъ, не болѣе, ни менѣе какъ только матеріалъ въ исторіи монастырскихъ нравовъ, которая—замѣтилъ онъ—у насъ едва-едва затронута и которая можетъ быть освѣщена только путемъ широкаго и совершенно свободнаго изслѣденія на свѣтъ и изученія всѣхъ, относящихся сюда памятниковъ.

Требуется еще поправка одной фактической невѣрности, это именно насчетъ дракъ при богослуженіи, которые будто бы „практиковались не одними настоятелями, но иногда и самими архіереями курскими“. Объ архіереяхъ курскихъ опять не могло быть рѣчи уже потому, что тогда еще и не было таковыхъ—были архіереи блгородскіе, да и объ этихъ блгородскихъ архіереяхъ совсѣмъ не было рѣчи, а была рѣчь лишь объ одномъ архіандрѣ Курскаго монастыря.

Замѣтка.

Не смотря на нѣсколько извѣщеній о томъ, что Н. П. Вагинъ будетъ читать 30 ноября и 7 декабря публичныя лекціи, слушателей собралось очень немного, вѣроятно вслѣдствіе того, что публика наша болѣе интересуется тѣмъ, какъ и кто читаетъ, а не тѣмъ, что читаютъ. Читая эти лекціи кто нибудь другой, я увѣренъ, что зала была бы биткомъ набита, такъ какъ одно изъ заглавій лекцій „Мастерскія школы“ не могло не привлечь вниманія публики. По мнѣнію лектора необходимо устроить мастерскія школы на совершенно иныхъ основаніяхъ въ виду того, что теперешнія, такъ называемыя ремесленныя школы далеки отъ своего назначенія, ибо въ нихъ болѣе вниманія обращено на науку, чѣмъ на ремесло, почему онѣ и не достигаютъ цѣли—выпускать изъ стѣнъ своихъ истиннаго ремесленника, а не подобіе его. Г. Вагинъ предлагаетъ пока учредить такую ремесленную школу для женщинъ, а современно, конечно, не забыть и мужскихъ школъ. Дай Богъ, чтобы предложеніе Вагина осуществилось; нечего смущаться тѣмъ, что на проектъ его пока мало обращаютъ вниманія; не онъ первый, не онъ и послѣдній несчастливцу, которому пока мало сочувствуютъ.

У насъ нѣрѣдко случаются довольно странныя и непонятныя вещи: читаетъ кто-нибудь лекцію для общественной пользы и къ нему никто не является; если же устраивается вечеръ, на подобіе того, каковыя были въ воскресенье въ пользу пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, и публики масса. Я увѣренъ, что болышая часть молодежи, прося у родителей денегъ для вечера, увѣрляла ихъ, что идти туда необходимо, чтобы помочь несчастнымъ. Мнѣ кажется страннымъ гадать для несчастныхъ, по моему просто жертвуй имъ, а танцуй уже для удовольствія. Но къ сожалѣнію, охотниковъ у насъ просто жертвовать очень не много и потому вѣроятно намъ еще долже придется плясать на пользу общественную.

Ученикъ Реального Училища.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургскія письма.

И такъ, вы желаете г. редакторъ, чтобы я сообщилъ Вамъ болѣе или менѣе систематически, болѣе или менѣе „весело“ петербургскія извѣстія, т. е. все то, чѣмъ мы живемъ нравственно и умственно; что насъ волнуетъ, что нагоняетъ на насъ нѣкотораго рода солидность, чѣмъ мы печалимся и чѣмъ радуемся? Словомъ, вы желаете знать не только то, что можетъ быть интересно Петербургу, но также и то, что любопытно Харькову, Одессѣ, Кіеву, а также и другимъ городамъ и въсѣмъ Россійской Имперіи?

Желаніе, несомнѣнно похвальное, но—скажу откровенно—весьма трудно выполнимое. Живемъ мы, признаюсь сказать, не особенно пылко и бойко, безъ особенныхъ волненій и безъ особенныхъ радостей.

Климатъ у насъ, какъ Вамъ, милостивый государь, доподлинно извѣстно, не блестящій, tant s'en faut. Сегодня—морозъ безъ снѣгу, завтра—снѣгъ съ дождемъ,—такіи самыми мелкими и свѣрхненными дождиками, и всегда сѣрое свинцовое небо, непривѣтливый видъ, мрачныя фцііоміи, скука и сплетни. Наши общественныя интересы тоже, можно сказать, не блестящіи и похожи на петербургскій климатъ съ его сѣрымъ небомъ. Всѣ они сводятся, главнымъ образомъ, къ театральнымъ новинкамъ, да къ разнымъ „злослѣдіямъ“, имѣющимся, опять таки, нѣкоторое подобіе нашего климата, ибо—сегодня хлѣбъ вздорожаетъ, завтра, вѣтъ нечего; вчера—мясо недоступно, и опять таки вѣтъ нечего; завтра наша почтенная дѣта совершитъ что-либо совершенно не надобное..... Что прикажете дѣлать?

Хлѣба и мяса по дущему вѣднѣю не получили, а думу ничему не научили,—ну, вотъ и приходится разводить руками да ахать. Газеты, конечно, приносятъ намъ ежедневно дѣлую кучу самыхъ свѣжихъ новостей, только что освободившихся изъ подъ типографскаго станка, но эти новости... какъ вамъ сказать?... эти новости... не новости для насъ, мы ихъ знали еще наканунѣ и почерпая ихъ самими разнообразными манерами: то на журъ-фиксѣ у высокопоставленнаго лица, то при встрѣчѣ съ знакомымъ на Невскомъ, а то просто тамъ, —неизвѣстно гдѣ и когда, въ видѣ сплетни, которая вѣчно носится надъ Петербургомъ, въ формѣ тучи, —вѣчной петербургской тучи, изъ которой вѣчно падаетъ всякая мерзость,—холодный дождь, пронизывающій насквозь дрожью и холодомъ, мокрый мизерный свѣжокъ, заставляющій насъ испытывать преступное желаніе ударить изъ Свѣрной Пальмиры куда-нибудь въ мѣста не столь отдаленныя, на берегъ Средиземнаго моря, если не въ Монако, то покрайней мѣрѣ въ Ниццу, и тамъ наслаждаться природой.

А у насъ, —помилуйте!—какое же солнце „пуриное“? Мы его почти никогда и не видимъ, а если и видимъ, то на картинкахъ г. Клевера, гдѣ оно означаетъ самыми нежными коричневыми пятнами. Какое у насъ „море лазурное“? Это просто самое сѣрое, самое свѣрхнее море, когда-либо удручающее своимъ видомъ родъ человѣческій. А уже про „золотую полоску“,

такъ и думать нечего; ничего у насъ „золотого“ напр., кромѣ развѣ желтыхъ кредитныхъ бумажекъ, да и тѣ, если вѣрится г. Щедруну, который недавно возвратился изъ-за границы,—сбѣгъ всего какой-нибудь другивенный; отдавая какому нибудь „бездѣшному“ савоннику „этихъ другивенныхъ, западныхъ культурныхъ людей“ не безъ злорадства предается соображеніямъ о томъ, до какой степени Россія велика и обильна и до какой степени, въ то же время, порядки въ ней дѣтъ! Такъ вотъ, при такомъ нашемъ „соціальному положенію“, какъ выражаются наши газетчики, при такомъ нашемъ психическомъ расположеніи и при такомъ климатѣ,—спрашивается: какіе у насъ могутъ быть интересы, если они не исходятъ изъ насущныхъ потребностей дня, или если они не сосредоточены на Фолі-Бержерѣ.

Вы уже меня извините, г. редакторъ, на этотъ разъ: съ петербургскаго климата я началъ и петербургскимъ климатомъ, какъ кажется, продолжая буду. Погода у насъ сегодня—совершенно, можно сказать, непривѣтная. Сверху падаетъ что-то неопредѣленное, не то дождь, не то снѣгъ, но во всякомъ случаѣ что-то чрезвычайно мокрое и свѣрхнее, и падаетъ въ страшномъ изобиліи. Внизу тоже весьма непривѣтно: какая-то снѣжная грязь и ухабами и кочками; на колесахъ по-дѣньш—шнее свѣрхнее, на саняхъ покатилъ—душа износится... А мракъ такой, что нѣволью предполагаешь какое-либо затмѣніе: солнечное или лунное, если, конечно, не умственное. Вѣрите ли? я пишу вамъ при лампѣ, а вѣдь теперь не болѣе двѣнадцати часовъ дня!

Вы легко поверите, что при такой погодѣ можно писать только о погодѣ и... бесѣдовать о картинѣ г. Кунинджи—„Ночь на Двѣрѣ“, которая была недавно выставлена въ „Обществѣ поощренія художниковъ“, а теперь отправилась... въ кругосвѣтное плаваніе: я говорю не о г. Кунинджи, который преспокойно наслаждается Петербургомъ, а о его картинѣ.

Выставка этой картины была несомнѣннымъ „событіемъ“ петербургскаго дня, хотя изображаетъ украинскую ночь. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ ей не быть „событіемъ“, когда она, помимо ея художественнаго достоинства, даетъ петербуржцу то, чего у него никогда нѣтъ и чего онъ такъ неистово жаждетъ,—великолепную, поэтическую, южную природу! Вы теперь понимаете, что, заговоривъ о петербургской погодѣ, я, по необходимости, долженъ былъ встрѣтиться съ картиной г. Кунинджи. Вы, конечно, лучше насъ знаете украинскія дѣлныя ночи, но чувствуете ли вы ихъ также сильно, во всей ихъ поэтической прелести,—сомнительно. Для васъ эти ночи—дѣло обыкновенное, вы съ ними свыклись. Благодаря этой привычкѣ, ваши нервы притупились, эстетическая впечатлительность сдѣлалась и вы уже не чувствуете тѣхъ поэтическихъ особенностей, которая скрыта въ вашей украинской ночи, освѣщенной лунной. Въ этомъ отношеніи вы похожи на богача, который всю свою жизнь пилъ дорогія лишь вина, и благодаря этому уже не чувствуетъ ихъ тонкостей. Мы же какъ разъ на оборотъ. Наше сѣрое небо, съ его вѣчно кислой фцііоміей, съ блѣдой сѣверной ночью дѣломъ, не слишкомъ пріучило насъ къ поэтическимъ эффектамъ луннаго свѣта, и когда мы встрѣчаемъ ихъ, то, конечно, чувствуемъ ихъ осо-

мать у всей интеллигентной Россіи того, кто долженъ ей принадлежать по святому праву каждой страны на лучшихъ дѣтей своихъ. Здѣсь-то, въ вѣрной и честной оцѣнкѣ психологическаго облика покойнаго дѣателя нашей крестьянской реформы, заключается одно изъ видныхъ достоинствъ новѣйшей работы Леруа-Болье. И если сравнить подобное отношеніе къ дѣлу французскаго публициста съ пріемами нѣкоторыхъ отечественныхъ и почти всѣхъ германскихъ памфлетистовъ, то придется повторить давно извѣстный афоризмъ, что наибольшая близость людей къ наблюдаемымъ предметамъ и явленіямъ не всегда составляетъ первостепенное условіе для вѣрнаго ихъ изученія и представленія. Немудрено, если правильное освѣщеніе коренного пункта у Леруа-Болье сообщаютъ свѣжесть и жизненныя рельефы всѣмъ подробностямъ въ описаніи интересной личности и даже въ отбѣлкѣ той рамы, въ которую искусно вставленъ прекрасный портретъ хорошаго русскаго человѣка. Между прочимъ для насъ становится понятнымъ присутствіе, почти южной впечатлительности и энергии въ характерѣ и поступкахъ покойнаго Н. А. Милотина, совершенно независимо отъ какихъ-либо воздѣйствій и вліяній со стороны петербургскаго и догматизирующаго кружка. Здѣсь дѣло объясняется прежде всего вліяніемъ расы, такъ какъ дворянскій родъ Милотиныхъ

происходитъ отъ сербскихъ эмигрантовъ въ Россію, въ концѣ XVII вѣка. Оказывается, что между молодыми людьми, которыхъ намѣтило и выбрало орлиное око Петра Великаго, были Милотины, отправленные Государемъ въ Либъ и въ Италію для изученія шолковыхъ мануфактуръ. Рассказываютъ, будто возвратившись изъ заграничья къ своему строгому и гениальному Царю, Милотинъ основалъ первую шолковую фабрику въ Россіи. Здѣсь былъ источникъ того матеріальнаго благосостоянія, которымъ пользовалась почтенная семья, занимавшая видное мѣсто и прежде всего заслужившая популярность въ дѣловыхъ и производныхъ сферахъ Москвы и Петербурга. Дальнѣйшіе представители рода Милотиныхъ занимали уже должности при Дворѣ и вступили въ родственныя отношенія съ общезвѣстными на Руси боярскими фамиліями (Кисилевыхъ, Урусовыхъ). Но для насъ интереснее всего то историческое совпаденіе фактовъ, что первый родоначальникъ Н. А. Милотина, какъ дѣятеля реформы 1861 г., былъ участникомъ петровскихъ преобразованій въ Россіи. „Честь обязываетъ“, можно по совѣсти произнести въ данномъ случаѣ, истолковывая этотъ, по происхожденію своему феодальный, девизъ въ болѣе широкомъ смыслѣ наслѣдственной аристократіи ума, воли и другихъ выдающихся качествъ общественного дѣятеля и государственнаго человѣка.

Есть еще одна частность, весьма тон-

кая и даже болѣе характерная, въ биографическихъ подробностяхъ изъ жизни покойнаго Н. А. Милотина. Приведемъ эту детальную черту, такъ какъ въ фактѣ, о которомъ будетъ сейчасъ идти рѣчь, мы остановимся лицомъ къ лицу передъ первымъ проблемомъ мысли будущаго помощника Я. И. Ростовцева о необходимости освободить крестьянъ. Пользуемся здѣсь рассказомъ самого покойнаго Милотина,—рассказомъ, который получилъ извѣстность вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Наступила зима 1872 года съ ея обычными на Руси холодами. Недавно еще энергическій дѣятель крестьянской реформы лежалъ уже, въ ту пору, разбитымъ паралитикомъ въ московскомъ домѣ своемъ. Но страдающій человѣкъ часто выдѣлываетъ вокругъ себя и знакомыхъ, и друзей, и родныхъ. Однажды, въ сочувствующемъ кружкѣ такихъ почитателей, завели разговоръ о болѣе позднихъ морозахъ. „Холодѣетъ, замѣтилъ большой Милотинъ, напоминаешь мнѣ одинъ случай изъ временъ моей юности; самъ по себѣ, случай этотъ незначителенъ, но на меня онъ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Мнѣ только что минуло 16-лѣтій; меня впервые облекли въ черный фракъ и дозволили отправиться на танцевальное утро въ дворянскомъ собраніи, по случаю карнавальнаго суботы.

На дворѣ стояла двадцати-градусная стужа; но, сидя въ саняхъ и одѣтый въ теплую пубу, я не особен-

но думалъ о холодѣ.... Когда я ворвался домой, было уже три или четыре часа утра. На другой день, само собою разумеется, всталъ я очень поздно и когда сошелъ внизъ, то мой отецъ и мать сидѣли уже за завтракомъ. Сейчасъ же послѣдовалъ вопросъ: какъ поступилъ я вчера съ своимъ куучеромъ? Понятно, что я ни на йоту не позабылся о немъ.... Тогда мать очень живо выставила мнѣ всю жестокость моего поступка съ горемыкой, котораго, при жестокомъ морозѣ, я продержалъ на козлахъ въ теченіи пятнадцати часовъ. Нужно полагать, что мать моя была очень краснорѣчива, вовсе не подозрѣвая этого сама, когда изображала передо мною мрачную силу той рабской дѣлны, которая ставила человѣка въ зависимость отъ каприза шестнадцатилѣтняго суаособрѣда. Всячески, впечатлѣніе мое было глубоко. Съ этого-то часа въ головѣ моей зародилась мечта объ эманципаціи;—и мысль объ ней уже никогда болѣе не покидала меня“.

Вотъ простое повѣствованіе самого Милотина, взятое французскимъ публицистомъ изъ некролога, который былъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1873 году. Само собою явствуетъ, что мы не видимъ въ приведенномъ фактѣ единственной и главной причины для подобнаго характера заранѣе отвѣденно было мѣсто въ небольшой фалангѣ тѣхъ людей, которые не мертвы, но создаютъ и оживляютъ, благодатно влияя вокругъ себя и силою мысли, и искренностью убѣжденій, и увлекающимъ жаромъ сердечныхъ порывовъ въ идеалъ правды и общаго блага. Словомъ, лишь изъ такого матеріала, который выдѣлываетъ въ Н. А. Милотинѣ, создается, при сколько нибудь благопріятныхъ условіяхъ, люди, способные строить зданія не на пѣсокъ, но съ твердымъ фундаментомъ внизу и съ законченными очертаніями на верху.

коянаго Милотина, и ясно рисуется передъ нами вся глубина, вся тонкость и все богатство натуры у этого выдающагося человѣка. Возлѣ трезваго и анализирующаго ума, способнаго понимать вещи во всей ихъ видимости и сущности, выстѣпъ съ силою волею, которая сейчасъ же предписываетъ для себя самой крѣпкій законъ, какъ только разумъ привелъ къ твердому убѣжденію и ясеню заключенію: возлѣ этихъ свѣостей, видна вся нравственная красота впечатлительной и вполнѣ человѣчной души. Въ чѣей груди и головѣ сочетались подобныя свойства, тотъ оказывался дѣйствительною силою. Тому никогда не предстояла опасность вырваться изъ сухого теоретика и въ равнодушнаго честолюбца, въ глазахъ котораго живые люди—или мишени для ружей усовершенствованныхъ системъ, или цифры для административныхъ вычисленій. Для подобнаго характера заранѣе отвѣденно было мѣсто въ небольшой фалангѣ тѣхъ людей, которые не мертвы, но создаютъ и оживляютъ, благодатно влияя вокругъ себя и силою мысли, и искренностью убѣжденій, и увлекающимъ жаромъ сердечныхъ порывовъ въ идеалъ правды и общаго блага. Словомъ, лишь изъ такого матеріала, который выдѣлываетъ въ Н. А. Милотинѣ, создается, при сколько нибудь благопріятныхъ условіяхъ, люди, способные строить зданія не на пѣсокъ, но съ твердымъ фундаментомъ внизу и съ законченными очертаніями на верху.

Мы не станемъ и не можемъ касаться здѣсь всѣхъ подробностей о жизни и служебной дѣятельности Н. А. Милотина, въ теченіе 20 лѣтъ отъ юности его до шестидесятихъ годовъ. Не смотря на близкое родство съ вѣковыми сановникомъ той эпохи (графомъ Кисилевымъ), молодой и даровитый человѣкъ долженъ былъ нести заурядное тягло службы въ министерствѣ. Любопытнѣе для насъ свѣдѣній взглядъ иностранца-публициста на то, что вообще можно назвать бюрократическою карьерой русскаго чиновника сороковыхъ годовъ. Леруа-Болье находитъ и здѣсь интересную сторону дѣла для своихъ наблюдений и сравненій. „Изъ такого примѣра видно, говоритъ онъ, насколько условія политической или, точнѣе, публичной жизни отличны въ Россіи отъ того, чѣмъ представляются они у насъ и въ большинствѣ странъ Западной Европы“. Съ большою тонкостью анализа указываетъ французскій публицистъ, какъ въ этомъ, по его выраженію, „тускломъ мірѣ чиновничества“, гдѣ духъ почти военной дисциплины слишкомъ часто подавлялъ личность, гдѣ канцелярскія преданія и officialный формализмъ зачастую порождали рутину, болѣе всего благоприятную для успѣховъ посредственности, Николаю Алексѣевичу суждено было отличиться кромѣ рѣдкой способности къ труду, двумя качествами, которыя были описаны здѣсь, чѣмъ гдѣ бы то ни было: духомъ инициативы и твердымъ закаломъ характера. „Въ ту

бенно сильно. Словом, то, что для нас *superflut*, для нас — *superflut*, как известно, гораздо сдвигается к *superflut*.

Представьте себе громадную панораму Днѣпра, на которую вы смотрите с большой высоты. В самом низу, на первом плане, видны кое-гдѣ разбросанныя малороссійскія хатки, въ окнахъ которыхъ мелькаютъ огоньки. Нѣсколько дальше у самого берега выступаютъ сдвиги мелничныя съ своими крыльями, рѣзко рисующіяся на серебряномъ фонѣ рѣки. Въ двухъ мѣстахъ на берегу разложены чутъ замѣтные костры, мелькающие въ темнотѣ ночи изумительно яркими блестящими точками. Оба берега рѣки — плоскіе; мѣстность почти совершенно ровная, уходящая въ даль и доступная зрѣнію на нѣсколько верстъ. На этой равнинѣ стелется Днѣпръ, образуя на второмъ планѣ загибы и теряясь въ туманномъ мракѣ, расцѣплять который не въ состояніи лунный свѣтъ. Другой берегъ — пустыня и не представляетъ никакихъ признаковъ жизни, — это голое земное пространство, чарующее одною своею далью. Весь этотъ видъ рѣки, съ окружающею ее равниною, занимаетъ только самый низъ картины, полотно которой почти сплошь занято небомъ. И тутъ то именно, на этомъ небѣ, г. Куинджи исполняетъ лучшую часть своей „литрической интермедіи“. У горизонта и нѣсколько выше открывается чистое, темно-синее небо, кое-гдѣ подернутое легкими, едва замѣтными облаками; въ серединѣ полотна облака сгущаются, образуя, какъ бы одно сплошное, слоистое, бѣлесоватое облако. Между ними стоитъ полная луна, среди разорванныхъ на минуту облаковъ. Она льетъ свой свѣтъ на всю эту панораму, придавая ей почти волшебную прелесть. Свѣтъ этотъ особенно сильно ярко отражается на гладкой поверхности рѣки, постепенно ступенчатаясь по мѣрѣ того какъ рѣка, образуя загибы, уходитъ въ даль. Вотъ и весь, какъ кажется, мотивъ этого пейзажа, но какъ много онъ говоритъ и какимъ высокимъ поэтическимъ чувствомъ онъ исполненъ!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что главный эффектъ, почти неотразимо дѣйствующій на зрителя, заключается въ лунномъ освѣщеніи этой громадной равнины съ рѣкой по серединѣ. Это освѣщеніе — сама правда; каждый русскій, знакомый съ южной природой, не разъ видѣлъ подобное освѣщеніе и не разъ восторгался имъ. Нельзя, однакожъ, не удивляться той силѣ, съ которою художникъ сумѣлъ передать его. Все дѣло заключается не въ отдѣльных свѣтовыхъ моментахъ, а въ той общей гармоніи тоновъ, которая, почти до иллюзии, передавая дѣйствительность, вноситъ въ то же время поэтическое настроеніе. Этой гармоніей типовъ художникъ вкладываетъ въ поразительнымъ совершенствомъ; она, эта гармонія составляетъ тайну его творчества, недоступную другимъ, даже великимъ художникамъ и составляющую какъ бы его специальность.

Въ Петербургѣ картина г. Куинджи имѣла блестящій успѣхъ; петербургскіе жители толпами являлись смотреть на него „Днѣпровскую ночь“, удивляясь украинской природѣ и сожалѣя, что природа эта имъ недоступна въ дѣйствительности. Успѣхъ этотъ былъ, однакожъ, настолько своеобразенъ, что могъ даже не понравиться художнику. Зала, въ которой пришлось поставить картину — такъ

темна, что картина терялась въ какомъ-то туманномъ мракѣ, — кромѣ рамы ничего не было видно. Пришлось по этому освѣтить картину искусственнымъ свѣтомъ. Въ залѣ были завѣшены окна, въ ней царилъ мракъ, а картина была освѣщена лампами съ рефлекторами, которые были тщательно скрыты отъ зрителя. Это искусственное освѣщеніе сдѣлало конечно болѣе эффектнымъ лунный свѣтъ картины, но въ то же время скрывало нѣкоторые ея недостатки. Истинный любитель искусства сознавалъ, что г. Куинджи рѣшился прибѣгнуть къ этому, нисколько не художественному средству, но очень хорошо понималъ, что картина и безъ искусственнаго освѣщенія, гдѣто выходящая изъ ряда и въ художественномъ отношеніи — замѣчательное. Но много ли у насъ истинныхъ знатоковъ искусства? Остальная публика, плохо образованная въ эстетическомъ отношеніи, поняла дѣло очень своеобразно. Ахъ! и охъ! слышались, конечно, на всякомъ шагѣ, но восторги относились, по большей части, не къ таланту художника. Иллюзія, произведенная картиною была такъ велика, что многие думали, будто картина освѣщена сзади и представляетъ гдѣ-то вродѣ транспаранта! Вѣдний, г. Куинджи! Онъ стоялъ тутъ же и по болѣе части принужденъ былъ выслушивать эти восторги, которые относились къ его предполагаемому фокуснику, а не къ таланту. Сколько горькихъ минутъ, оскорбительныхъ для чувства художника, принужденъ онъ былъ пережить, благодаря тому, что вслѣдствіе простой необходимости онъ прибѣгнулъ къ искусственному освѣщенію!

Было также и другое обстоятельство до крайности не пріятное. Для того, чтобы искусственное освѣщеніе было полнѣе, пришлось устроить тентъ въ залѣ. Вы входите на выставку, берете билетъ и васъ вводятъ въ совершенно темную залу, гдѣ нигдѣ не видно. Вы наступате на ноги толкаете, выслушиваете чью-то брань, извиняетесь неизвѣстно передъ кѣмъ, до тѣхъ поръ, пока гдѣ-то въ углу не увидите яркую точку, — картину г. Куинджи. Вы устремляетесь туда, такъ сказать, оупуно, поды угрозой разбить себѣ носъ, или выхуцте себѣ ногу, но.... не видите, а чувствуете перелѣ собою какую-то инертную массу толпы, которая что-то жужжитъ, но не допускаетъ васъ къ картиѣ. Вы подымаетесь на цѣпочкахъ, стараетесь что-либо разглядѣть и... о ужасъ! задвѣгаете рукой за дамскую шляпу! Вы опять выслушиваете не особенно вѣжливый привѣтъ и затѣмъ, послѣ долгихъ мытарствъ и мучений, подходите, наконецъ, и любуеся, но очарованіе конечно уже исчезло, а если вы, человекъ нервный, раздражительный, если вы къ тому же страдаете хроническимъ катаромъ желудка (а кто въ Петербургѣ не страдаетъ имъ?), то проклинаете и украинскую ночь и поэта этой ночи, г. Куинджи, и, выходя на Большую Морскую, почти примиряетесь съ петербургскимъ сѣрымъ и нисколько не поэтическимъ небомъ.

С.-Петербург. Посетованій наблюдатель. (Продолженіе будетъ).

Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія выработанъ подробный планъ преобразованія университетскаго управленія. Планъ этотъ въ скоромъ времени будетъ представленъ въ Комитетъ Министровъ. Противъ нѣкоторыхъ частей его гово-

рятъ выпущена въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ брошюра, принадлежащая перу бывшаго профессора Московскаго Университета Чичерина. („Россія“).

Вслѣдствіе отъѣздовъ солидаго налога, Министерство Финансовъ предлагаетъ увеличить акцизы съ сахарнаго пексу. Измѣненія намѣчены также и въ питейномъ акцизѣ. („Молва“).

Смоленскій корреспондентъ сообщаетъ свѣдѣнія о сборѣ въ Смоленскѣ денегъ на постановку памятника М. И. Глинкѣ. По словамъ корреспондента, за девять лѣтъ въ комитетѣ значится всего собранныхъ денегъ 6,200 руб. Изъ нихъ 2,000 руб. будутъ выданы, въ видѣ преміи, за лучшей проектъ памятника. Такимъ образомъ, всего останется на самое осуществленіе проекта 4,200 руб. („Совр. изв.“).

Изъ Симферополя передаютъ: „Ко многимъ, постигшимъ уже нашу губернію, бѣдѣ, прилежало еще новая, не менѣе жестокая, бѣда. Въ уѣздахъ Дѣлѣвскомъ, Перекопскомъ и Симферопольскомъ появилась чума на рогахъ скота, дѣйствующая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ поражающею свирѣдностью. Въ мѣстѣ г. Козловскаго, вблизи Симферополя, гибнетъ прекрасный скотъ швейцарской породы, несмотря на всѣ принятыя строгія предосторожности. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ, кромѣ чумы на скотѣ, появились дифтеритъ и оспа на дѣтяхъ. Наряду бѣдствій могутъ еще болѣе усугубиться, если наступившая зима окажется не менѣе суровою, чѣмъ прошлагодня.“ („Голосъ“).

Изъ Старой Русы пишутъ: „Кто не знаетъ въ Петербургѣ корректора Власова? Въ какой типографіи онъ не работалъ? Около 65 мѣтъ проработалъ онъ за исправленіемъ типографскаго набора и не даромъ заслужилъ прованіе „дѣдушки-корректора“. Недавно Илья Дмитріевичъ Власовъ умеръ въ нашемъ городѣ, гдѣ онъ жилъ на покой, умеръ 82 лѣтъ отъ роду. Корректоръ этотъ сталъ по волѣ императрицы Маріи Федоровны: онъ былъ папсіонеромъ императрицы и когда окончилъ, въ 1815 году, курсъ ученія въ воспитательномъ домѣ, государиня, лично его знавшая, назначила Власова корректоромъ, прибавивъ: „Если ты будешь умѣть воспользоваться моимъ тебѣ даннымъ назначеніемъ, ты будешь имѣть вѣчный кусокъ хлѣба“. Илья Дмитріевичъ Власовъ свято исполнилъ волю государини и во всю свою жизнь, съ 1815 года, толкомъ корректуру списывалъ себѣ пропитаніе. Въ послѣдніе годы онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ жизнь для него стала дорогою, въ нашъ городъ, гдѣ и поселился съ своею дочерью Олю, которая, въ свою очередь, потрудилась уже надъ корректурою 35 лѣтъ. Она живетъ здѣсь въ сильной нуждѣ. IV-е отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи выдало О. И. Власовой средства на погребеніе отца, но въ постоянномъ пособіи отказало.“ („Голосъ“).

Въ Ростовѣ-на-Дону городъ уступилъ участокъ земли для предполагаемаго сооруженія зданія для желѣзнодорожнаго училища. („Молва“).

25 ноября, въ тифлисскомъ военномъ окружномъ судѣ началось слушаніе дѣла о злоупотребленіяхъ по вѣдѣнію полковаго хозяйства во 2-мъ Лабинскомъ казначействѣ полку. Обвиняемые по этому дѣлу, судя по вѣн-

нимъ отличіямъ (орденамъ, по преимуществу съ мечами), люди не безуспѣшно подвизавшіеся по службѣ. Зала засѣданія наполнилась избранною публикою. На столѣ вещественныхъ доказательствъ лежалъ вороха книгъ и разныхъ документовъ, надъ которыми, полагать нужно, участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, придется такъ долго и усердно поработать. Имѣя въ виду, что по настоящему дѣлу предварительнаго слѣдствія не произведено, а произведено лишь одно дознаніе, которое не всегда удовлетворяетъ требуемой полнотѣ и опредѣленности, суду предстоитъ нелегкая задача разъяснить всѣ обстоятельства этого громаднаго дѣла. („Кавказъ“).

Изъ станицы Цымлянскій на Дону пишутъ, что многие хозяева, оставшіеся до умомота въ стогахъ на полѣ, вслѣдствіе дождей осени, не начинали молотить его до зимнихъ заморозковъ. Но теперь, когда на поляхъ обитатели приступили къ молотбѣ, къ ужасу ихъ оказалось, что весь хлѣбъ, оставленный въ копахъ, поплѣ полями мыши и станицѣ Цымлянскій придется до умомота будущаго 1881 года оставаться безъ собственного хлѣба. („Нов. Вр.“).

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.

Послѣдній № газетъ бѣды интересными сообщеніями и статьями и ничѣмъ особенно не бросаются на глаза. Но „Московскія Вѣдомости“ даютъ новую обличительную передовую статью, въ которой, по поводу учащейся молодежи, набрасываются на профессоровъ и самоуправленіе университетское, какъ на причину всего зла для студенчества. Вотъ что говоритъ г. Катковъ:

„Въ мѣсяцъ программъ, холмившей между студентами былъ одинъ изъ закоренѣлыхъ студентовъ выбирать профессоровъ. Пунктъ этотъ былъ благообразно отброшенъ молодыми людьми, но онъ въ своей сущности вовсе не такъ безвѣденъ, какъ можетъ съ перваго взгляда показаться. Говорятъ о самоуправленіи университетовъ, настаиваютъ на сохраненіи университетскаго устава 1863 года, который якобы даровано самоуправленіе этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Это ошибка. Имѣвшееся положеніе университетовъ, на основаніи устава 1863 года, болѣе приближалось къ типу крѣпостнаго права чѣмъ къ самоуправленію. Можно ли называть самоуправленіемъ порядокъ въ силу котораго часть дѣлъ масовъ людей, въ ихъ нравственныхъ, политическихъ и наконецъ материальныхъ интересахъ, переходила въ безконтрольный распоряженію нѣсколькихъ лицъ, составляющихъ замкнутую, привилегированную и монополизирующую корпорацію, которая сама полагается, сама вырабатываетъ, продвигаетъ и прогоняетъ своихъ членовъ? Студенты обязаны слушать по такому то предмету такого то профессора, обязаны уважать его, а онъ, въ свою очередь, обязанъ имъ, а не наоборотъ. Между студентами и преподавателями, при такомъ порядкѣ, сразу устанавливаются неправильныя отношенія. Вся естественная, что молодые люди, которые еще учатся, не могутъ сами назначать профессоровъ, и студенты, повѣрившись, поступаютъ умно, осмѣивая и отбрасывая этотъ пунктъ предложеннаго имъ проекта петиціи. Но въ требованіи, чтобы студенты сами выбирали профессоровъ, сказались вѣрныя инстинкты, который только не находитъ себѣ правильнаго выраженія. При свободѣ высшаго преподаванія, студенты дѣйствительно получаютъ возможность выбирать себѣ руководителей, который вѣрнее и лучше можетъ способствовать имъ въ достиженіи ихъ цѣли. Но свобода преподаванія возможна только при независимости слушателей отъ преподавателя, а это достигается лишь отдѣленіемъ государственной части отъ части научной, экзамена, дающаго право, отъ преподаванія, долженствующаго только помогать учащимся въ приобретеніи необходимыхъ познаній, сдѣланнаго экзамена отъ преподаванія, какъ это установилось въ тѣхъ отдаленныхъ университетахъ заслуживающихъ своего имени, только и можетъ поставитъ въ правильныя отношенія преподавателей къ слушателямъ, слушателей къ преподавателямъ.“

Въ настоящее время профессорскія коллегіи представляютъ принципъ не свободы, а власти, неправильно присвоенной имъ въ ущербъ наукѣ, въ ущербъ ученикамъ и въ ущербъ обществу, который они должны быть удержаны отъ сего. Эта неограниченная власть политическаго элемента къ дѣлу науки составляетъ все зло нынѣшняго положенія, дающее себѣ разнообразно чувствовать. Избавь этотъ элементъ, основаніе, замѣчаетъ Леруа-Болье, былъ только Людовикомъ XIII того, милостерства, гдѣ Милотинъ занялъ мѣсто Ринлье, но Ринлье скромнаго и сдержаннаго. Во всѣхъ вопросахъ, касающихся эманципаціи, Николай Алексѣевичъ имѣлъ вотъ какое неопытное преимущество передъ своими соотрудниками. Между тѣмъ какъ другіе подходили къ этой странной задачѣ, не имѣя ни плана, ни подготовки, Милотинъ изучалъ дѣло во всей подробности, по меньшей мѣрѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, и вносилъ туда зрѣлыя идеи и вполне опредѣленную систему. Сближеніе между Милотинымъ и Ринлье остроумно; но оно сейчасъ же приводитъ къ заключенію о глубокомъ нечестіи двухъ людей различныхъ эпохъ и характеровъ. Сухой и безпощадный расчетъ, безграничный деспотизмъ, ревнивое недоброжелательство къ талантамъ другихъ людей, сильная наклонность и способность къ интригѣ: таковы, по нашему убѣжденію, дѣлительныя выдающіяся черты въ крупной личности французскаго политика и министра. Кардиналь Ринлье слышитъ близко стоялъ въ вѣку и ученикамъ Макіавелли, чтобы не сдѣлаться ученикомъ старой итальянской школы, однимъ изъ основанныхъ положеній которой было правило: „народъ — то же что змѣя; отогрѣй его, и онъ тебя укуситъ“.

Николай Алексѣевичъ Милотинъ могъ иногда впадать въ рѣзкость по чрезвычайной энергіи и пылкости сво-

бодитъ профессорскія коллегіи отъ несовѣстной имъ политическаго принципа, возвращать имъ чисто научный характеръ, установитъ свободу преподаванія, — вотъ задача, рѣшеніе которой есть неотложная необходимость“.

Мы присутствуемъ при дивной сценѣ: г. Каткову, повидимому, надобно охранять. Онъ начинаетъ разглагольствовать съ горячими студентами. По его словамъ, уставъ 1863 г. установилъ не „самоуправленіе“, а „типъ крѣпостнаго права“; власть совѣта, по его словамъ, „неправильно присвоена“, хотя всѣмъ известно, что она основана на Высочайше утвержденномъ уставѣ для всѣхъ университетовъ. Словомъ, профессора — узурпаторы... Катковъ становится во главѣ студентовъ, забывъ, что, для полнаго успѣха, ему придется идти далѣе въ призываніи студентскихъ требованій. Да, г. Катковъ, не теряйте времени: поднимайте студентовъ противъ профессоровъ, избравъ студентовъ „угнетеннымъ народомъ“, а профессоровъ — „крѣпостниками“. Но помните, что вы играете въ нехорошую а, главное, въ незаконную игру.

Помните, что даже вамъ нельзя позволить публично тоталитъ въ разѣ дѣйствующіе законы, что вы своими обвиненіями противъ всего строя университетскаго вводите такую рознь въ университетскую жизнь, изъ которой выхода почти нѣтъ въ настоящее время! Вы разжигаете молодежь и сѣете вражду между ними противъ тѣхъ, которыхъ они должны, прежде всего, уважать, какъ своихъ наставниковъ. Да, намъ надобно фальшь: горе тому юношеству, которое поднимаетъ руку на своихъ учителей! Горе тѣмъ обшественнымъ, которые подбиваютъ юношей поднимать руку на свою мать — университету! Измѣнники университетскаго дѣлу! Идите въ объятія г. Каткова! Читайте прокламаціи его, восхищайтесь ими, но помните, что вы отбрасываете отъ университета!

Возвращаемся къ интересной по своему содержанию газетѣ „Земство“. Г. Исаевъ въ статьѣ „Наше экономическое положеніе“, иллюстрированной цѣлымъ рядомъ извѣстій, возстааетъ противъ объясненія дороговизны стачкою хлѣбныхъ торговцевъ, которое по его мнѣнію, зависитъ только отъ несправедливости объясненія естественными причинами. Истинная причина дороговизны — неурожай, при чемъ „страдали въ текущемъ году именно тѣ мѣстности, которыя вывозятъ значительное количество хлѣба; достаточные же урожаи выпали на долю тѣхъ, которыя никогда не могутъ прокормить производимыми своего сельскаго хозяйства“.

Такъ какъ наша мануфактурная и кустарная промышленность работаетъ исключительно для внутренняго сбыта, то неурожай, сократившій до minimum'a покупательную силу массы населенія, неизбѣжно отразился въ промышленномъ застоѣ, суженіи предпріятій и уменьшеніи числа рабочихъ рукъ. Заработная плата уже понизилась около Москвы на 30%. Въ результатѣ: грабежи, голодъ, нищенство, развитіе эпидеміи, упадокъ сельскаго хозяйства, недочетъ въ государственномъ казначействѣ и пониженіе денежной валюты. Но кромѣ неурожая Россія страдаетъ отъ непрерывныхъ падежей скота, уносящихъ, по вычисленію проф. Янсона, minimum 5,000,000 р. ежегодно. Рядомъ съ этимъ идетъ обезземеленіе крестьянъ и переходъ въ частныя руки крупныхъ государственныхъ земельныхъ запасовъ, какъ напр. въ Уфимской губерніи. На жатву будущаго года, говоритъ г. Исаевъ, нельзя возлагать коренныхъ надеждъ. Благотворительная закупка хлѣба и прода-

жа по удешевленной цѣнѣ хлѣба и другія мѣры

„слишкомъ добры, частіи, чтобы совершить замѣтный поворотъ къ лучшему въ нашемъ экономическомъ положеніи. Вопросъ объ участіи крестьянскаго хозяйства былъ молчаливъ, на нѣе всѣхъ нашихъ экономическихъ вопросовъ“.

Несомнѣннымъ продолженіемъ статьи г. Исаева служитъ статья г-на Комелева „О кредитѣ земледѣльцамъ при покупкѣ ихъ земли“. Въ ней доказывается, что вопросъ этотъ можетъ быть съ успѣхомъ разрѣшенъ только соединенными усиліями правительства и земства.

„Знать нужды мѣстнаго населенія по земледѣльчій, удовлетворять въ стоимости покупной земли, оказывать крестьянамъ пособія своевременно и въ надлежащій мѣръ, и все это производятъ дома, на мѣстѣ, безъ излишнихъ переплатъ и расходовъ — можетъ только земство. Но оно не обладаетъ достаточными въ томъ средствами, а выпускаемая имъ обязательная не могутъ имѣть настоящей дѣйствительности въ различныхъ мѣстностяхъ нашей обширной имперіи. Правительство же, если и имѣетъ достаточныхъ для этого дѣла свободныхъ денежныхъ суммъ, — то оно пользуется кредитомъ, нужнымъ для придачи своимъ обязательствамъ надлежащей дѣйствительности во всей имперіи и даже за границею; но оно не имѣетъ упомянутыхъ средствъ, обладаемыхъ земствомъ, для безпощадности суду, своевременной ихъ выдачи и наблюденія за ихъ употребленіемъ“.

Давать деньги на покупку земли сдѣлать безразлично: сельскимъ общинамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ лицамъ, — всѣмъ,

„кто захочетъ посвятить свой личный трудъ земледѣлію и доказать свою состоятельность и дѣйствительность своего желанія уплатить за землю часть денегъ изъ своихъ сбереженій. Они займутъ тѣмъ лицамъ и товариществамъ, которыя пожелаютъ приобрести землю въ излишнихъ разбѣрахъ, для отдачи ее въ наемъ“.

Ни земство, ни правительство не имѣютъ свободныхъ суммъ для кредита крестьянамъ.

„Слѣдовательно, необходимо прибѣгнуть къ выпуску государственныхъ бумагъ, т. е. закладныхъ листовъ“.

Придать этимъ листамъ дѣйствительность и одинаковую распространенность можетъ только правительство.

„Крестьянскимъ обществамъ слѣдуетъ выпустить всю сумму по опискѣ и выдать ея годовые платежи такъ, какъ выпускаются государственныя платежи, т. е. безъ продажи земли, но полицейскими мѣрами“.

„Всяма желательна, чтобы въ земствѣ подвѣрили тщательной разработкѣ важное дѣло оказания пособій земледѣльцамъ при покупкѣ ихъ земли“.

Съ этимъ дѣломъ надо поспѣшить: „Дорогие теперь довольно сильно разсодраются земли; крестьяне все болѣе и болѣе въ ней нуждаются, а земля по болѣе части попрежнему въ собственности людей, которыхъ хитрости не пользуются, отдавая ихъ ежегодно въ наемъ по возможно-высокимъ цѣнамъ. Каждый годъ промедленія есть значительный и безвозвратный убытокъ для Россіи“.

Въ статьѣ „Статистика англійскихъ городовъ“ говорится, между прочимъ, о чрезвычайномъ быстромъ матеріальномъ и политическомъ ростѣ этихъ городовъ. Съ 1835 по 1879 г., т. е., за 45 лѣтъ пространство занимаемое англійскими городами возросло почти на 5%.

„Что имѣетъ объясненіе развитіемъ промышленности въ Англіи, лучшимъ бокъ о бокъ съ уменьшеніемъ сельскаго населенія и ростомъ городского“.

Но населеніе городовъ возрастаетъ еще быстрее:

по числу 1831 года населеніе городовъ было нѣсколько менѣе 2,000,000, теперь же оно составляетъ болѣе 8,000,000 чел., т. е. почти за то же время выросло въ четверть, или на 300 %. Слѣдовательно, населеніе Англіи все болѣе и болѣе сгущается, хотя и не въ такой вредной формѣ, какъ во многихъ странахъ европейскаго континента. Замѣчено, какъ известно, во многихъ крупныхъ городахъ Англіи, Франціи, напр., въ Берлинѣ и Парижѣ неутѣшительныя въ типическомъ отношеніи, сильно развитыя числа жителей, значительное опереженіе возрастанія числа жилищъ домовъ, или, говоря иными словами, дома растутъ вверхъ, средоточивая въ четверть, пятыхъ и выше этажей массу бѣднаго люда, что по утверженію нѣкоторыхъ статистиковъ оказываетъ пагубное вліяніе на ихъ здоровье; въ пятыхъ этажахъ Берлина, напр., смертность сильнѣе, чѣмъ въ нижнихъ, въ подвалахъ жилищъ, которыя поведомъ ссылаются типомъ самыхъ недозорныхъ жилищъ помѣщеній“.

Въ Англіи, напротивъ, число домовъ съ 1831 г. возрастомъ съ количествомъ городского населенія въ одинаковой пропорціи, т. е., увеличилось въ 4 раза, или на 300%, что, по мнѣнію г. Я — ла, „объясняется характеромъ ихъ постройки: англійскіе дома повсюду узкіе (болѣею частью двѣ-три комнаты въ этажѣ) и въ огромномъ

среду, говоритъ Леруа-Болье, гдѣ удобнѣе всего достигаютъ цѣлей тѣбностью манеръ, уступчивостью въ принципахъ и неопредѣленностью во взглядахъ, — туда, гдѣ первымъ условіемъ успѣха считается не столько уразумѣніе дѣла и вещей, сколько знаніе лицъ и пониманіе частныхъ интересовъ: сюда Милотинъ внесъ, кромѣ необычайно яснаго ума, при рѣшительномъ и неустрашимомъ терпѣніи, опредѣленныя и непоколебимыя убѣжденія“. Едва ли можно оспаривать выводъ, что въ подобныхъ качествахъ скрыта причина и источникъ какъ успѣховъ, такъ и неудачъ Милотина. Здѣсь, дѣйствительно, заключается корень тѣхъ затрудненій, той борьбы и вражды, которая сообщила почти драматическій отбѣнокъ многимъ эпизодамъ изъ дѣятельности Н. А. Милотина, не смотря на то, что жизнь и дѣятельность эта рѣдко выходила изъ искусственной подлѣтны министерскихъ приемныхъ и канцелярій.

Былъ моментъ, когда Н. А. Милотинъ, авторъ известнаго закона 1846 года о городскомъ управленіи С.-Петербурга — вынужденъ былъ поминать объ оставленіи службъ въ министерствѣ внутренняхъ дѣлъ, гдѣ онъ занималъ уже очень видный постъ. Свообразныя причины и поводы для такого рѣшенія очень хорошо и обстоятельно изложены въ этюдѣ Леруа-Болье. Но, по многимъ причинамъ, касаясь ихъ намъ не приходится. Слишкомъ близки еще къ нашему вре-

мени дѣйствующія лица этого характеристическаго эпизода изъ исторіи нашей высшей администраціи передъ началомъ реформъ настоящаго царствованія. По счастью, рѣшеніе Милотина не получило осуществленія, благодаря добродушному содѣйствію многихъ вліятельныхъ лицъ, между которыми самая важная и почетная доля участія принадлежала Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

„Великая Княгиня — замѣчаетъ Леруа-Болье — уже давно знала Милотина, а именно съ 1846 года, когда составлено было городское положеніе С.-Петербурга. Министръ Перовскій говорилъ Великой Княгинѣ о молодомъ и даровитомъ человѣкѣ, и она потребовала отъ дяди Милотина, графа Киселева, чтобы тотъ представилъ ей своего племянника. Невѣстка Императора Николая хорошо знала людей. Она сразу отличила Николая Алексѣевича отъ отдаленной смерти послѣдняго, т. е. въ теченіе 20 лѣтъ, высказывала ему неизмѣнную свою благосклонность“. „Бѣда Великой Княгини съ Милотинымъ, продолжаетъ Леруа-Болье, обыкновенно касались предметовъ очень серьезныхъ и скучныхъ съ великосвѣтской точки зрѣнія... Администрація, законодательство, политическая экономія и финансы были такими областями, куда безобразно входила Великая Княгиня, подъ руководствомъ тѣхъ, кто внушалъ ей довѣріе по своему положенію или по своимъ знаніямъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ шесемъ 1869 года, Мило-

тинъ рекомендуетъ Великой Княгинѣ устройству въ Россіи банка на подобіе французскаго... Но главнымъ предметомъ ихъ бесѣды былъ великій вопросъ дня — эманципація, на которой сосредоточился весь душевный пылъ Великой Княгини, съ того самого момента какъ произнесено было историческое слово Царя въ Москвѣ. По убѣжденію Великой Княгини, присутствіе Милотина въ министерствѣ было необходимо для успѣха реформы, условия которой давно уже были обдуманы покойнымъ дѣвателемъ совместно съ высокой его покровительницей. Чтобы удержать Милотина, она называла его планы объ отставкѣ, наканунѣ рѣшительной битвы, своего рода бѣговомъ или измѣной, по отношенію къ интересамъ народа“.

Настойчивая и сильная въ доводахъ противъ колебаній Н. А. Милотина (имѣвшего для своего пессимизма нѣсколько серьезныхъ, но чисто личныхъ основаній), Великая Княгиня не покидала своей трудной и патристической задачи по крестьянскому дѣлу и въ другихъ сферахъ, куда только могло проникать нравственное вліяніе ея свѣтлаго ума и тонкой женственной натуры. Благодаря всему этому, Н. А. Милотинъ былъ, наконецъ, назначенъ товарищемъ министра. Это значило, при тогдашнемъ положеніи дѣла, что онъ сталъ главнымъ двигателемъ законодательныхъ работъ по вопросу объ освобожденіи десятковъ милліоновъ русскихъ людей отъ крѣпостной зависимости. „Лан-

ской, замѣчаетъ Леруа-Болье, былъ только Людовикомъ XIII того, милостерства, гдѣ Милотинъ занялъ мѣсто Ринлье, но Ринлье скромнаго и сдержаннаго. Во всѣхъ вопросахъ, касающихся эманципаціи, Николай Алексѣевичъ имѣлъ вотъ какое неопытное преимущество передъ своими соотрудниками. Между тѣмъ какъ другіе подходили къ этой странной задачѣ, не имѣя ни плана, ни подготовки, Милотинъ изучалъ дѣло во всей подробности, по меньшей мѣрѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, и вносилъ туда зрѣлыя идеи и вполне опредѣленную систему. Сближеніе между Милотинымъ и Ринлье остроумно; но оно сейчасъ же приводитъ къ заключенію о глубокомъ нечестіи двухъ людей различныхъ эпохъ и характеровъ. Сухой и безпощадный расчетъ, безграничный деспотизмъ, ревнивое недоброжелательство къ талантамъ другихъ людей, сильная наклонность и способность къ интригѣ: таковы, по нашему убѣжденію, дѣлительныя выдающіяся черты въ крупной личности французскаго политика и министра. Кардиналь Ринлье слышитъ близко стоялъ въ вѣку и ученикамъ Макіавелли, чтобы не сдѣлаться ученикомъ старой итальянской школы, однимъ изъ основанныхъ положеній которой было правило: „народъ — то же что змѣя; отогрѣй его, и онъ тебя укуситъ“.

Николай Алексѣевичъ Милотинъ могъ иногда впадать въ рѣзкость по чрезвычайной энергіи и пылкости сво-

ей натуры. Онъ могъ имѣть своеобразное и спорное воззрѣніе на тѣ политическіе приемы, которыми наилучше обеспечивается успѣхъ реформъ при извѣстномъ состояніи даннаго общества. Повелительный тонъ долженъ былъ нѣрѣдко представляться ему какъ одно изъ средствъ противъ вылоути и равнодушія должныхъ людей къ поглотившему его и великому дѣлу. Но въ томъ-то и заключается для насъ психологическій интересъ характера Н. А. Милотина что свѣтло, умъ, энергія и многія другія черты истинно-государственнаго человѣка стоятъ въ немъ на одномъ и томъ же высокомъ уровнѣ съ душевными качествами. Такіе люди какъ Н. А. Милотинъ вліяютъ на среду, въ которой они призваны къ общественной работѣ, болѣе всего живымъ и созидающимъ дѣйствіемъ сильной мысли, главною и искренностью убѣжденій, честностью и безкорыстіемъ, ненавистью къ интригѣ или къ мелкимъ средствамъ и любовью къ своему народу.

Не знаемъ; были ли когда-нибудь въ Россіи государственные люди, которые раздѣляли взгляды доктринеровъ макіавелизма на народъ и на отношеніе къ этому народу народу законодателей и администраторовъ. Но асно то, что такимъ доктринеромъ не былъ и не могъ никогда сдѣлаться Н. А. Милотинъ, главныя черты въ характерѣ котораго талантливо изображены и вѣрно оцѣнены въ прекрасномъ этюдѣ Леруа-Болье. Писатель

этотъ свою симпатію къ успѣхамъ Россіи еще разъ доказываетъ, какъ основательно право Франціи считается передовою націею образованной Европы. Школа несчастій, какъ школа удача, есть одно изъ лучшихъ средствъ пробудить нравственную силу и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыхъ народовъ. Живучъ, свѣтлъ и благодаренъ гелій того народа, который не потерялъ ни среди горя, ни среди радостей, способности сочувствовать и содѣйствовать прогрессу другихъ народовъ. Мраченъ и вреденъ для высшихъ интересовъ цивилизаціи духъ такихъ націй, которыя обрѣтаются въ каждомъ своемъ политическомъ или военномъ успѣхѣ только новую силу — или невидѣть или бояться, или презирать своихъ союзниковъ и сосѣдей. При такихъ свойствахъ можно называть культурною націею; еще легче можно заявлять объ историческомъ своемъ призваніи — облагодѣтельствовать всѣхъ и каждого своего высокою культурою. Но нельзя тогда оказывать на дѣлѣ благотворнаго и прочнаго вліянія на судьбы другихъ людей, какъ не могли оказывать ничего подобнаго францисы, которые входили въ храмъ молитвы и кичливо благодарили Бога за то, что не они — мытари и грѣшники.

А. И. Стояновъ.

Харьковъ, 11 Декабря 1880 г,